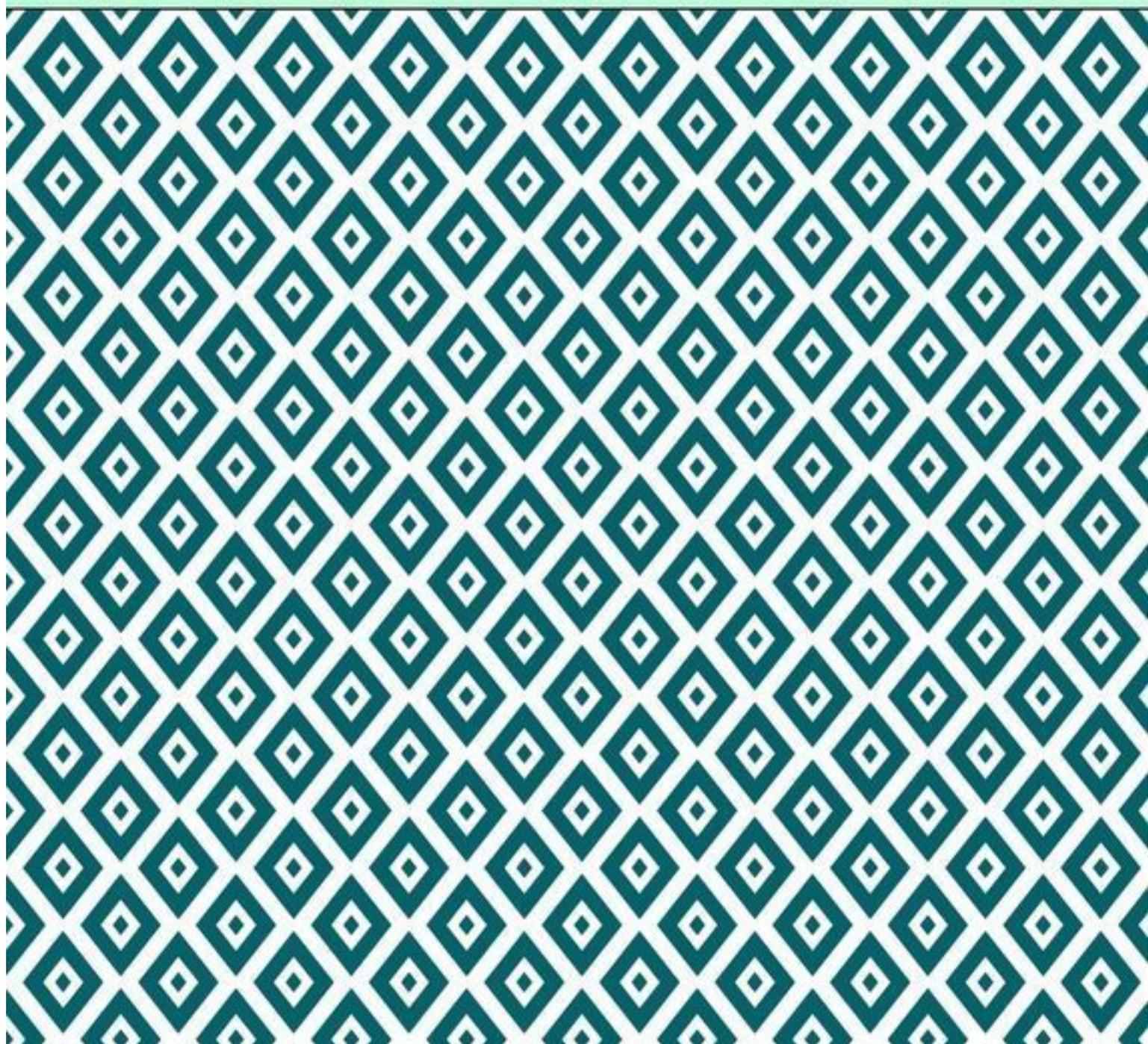

Владимир Ноллетов

Рассказы

Владимир Ноллетов

Рассказы

«Издательские решения»

2017

Ноллетов В. В.

Рассказы / В. В. Ноллетов — «Издательские решения», 2017

ISBN 978-5-44-856200-6

В эту книгу вошли рассказы о самых разных людях и событиях. Есть рассказы о животных, армейские, шахматные. Сюжеты многих рассказов целиком взяты из жизни.

ISBN 978-5-44-856200-6

© Ноллетов В. В., 2017
© Издательские решения, 2017

Содержание

Долгожданная встреча	6
Интеллигент, или спор о Сталине	7
Дедушка Сидоров	15
За неделю до увольнения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рассказы

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2017

ISBN 978-5-4485-6200-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долгожданная встреча

– Великое событие свершилось! – со свойственной ему восторженностью сообщал на космическую станцию командир корабля. – На планете обнаружена разумная жизнь. Цивилизация достаточно развитая, но отстает от нашей. Мы можем многому научить эти существа, можем сделать их счастливыми. Они огромны, безобразны, но, судя по всему, добры. В ближайшее время попытаюсь вступить с ними в контакт. Атмосфера здесь почти не отличается от нашей. Мы обходимся без скафандров...

Мотор никак не заводился. Водитель то и дело вытирал пот со лба: солнце пекло нещадно. Надо было немного передохнуть. Он подошел к скале у дороги, прилег в ее тени. Сразу захотелось спать...

Проснулся он от щекотания. Открыл глаза. Его запястья касался клешнями скорпион устрашающих размеров. Никогда не видел он такого омерзительного скорпиона – толстого, мохнатого, бледно-серого, с внимательными красными глазками. Он отпрянул с чувством ужаса и гадливости. Потом вскочил, оторвал обеими руками от земли валун (скорпион поднял клешни и быстро зашевелил ими) и с размаху опустил на мохнатое тельце...

Начальник экспедиции обвел экипаж станции печальным взглядом и заговорил:

– Командир корабля погиб. Всю свою жизнь мечтал он найти другую цивилизацию, был одним из организаторов нашей экспедиции. И погиб при попытке установить контакт с разумными существами! При таких же обстоятельствах погибли первый и третий пилоты. В наших силах уничтожить эту цивилизацию. Но мы не сделаем этого. Хотя бы из уважения к памяти командира. Он считал, что мы должны нести другим мирам только добро. Я приказал второму пилоту возвратиться на станцию.

Все потрясенно молчали. Начальник экспедиции вздохнул и опустил голову на свои мохнатые клешни.

Интеллигент, или спор о Сталине

Ливень обрушился на город внезапно.

Застигнутые врасплох пешеходы спешно искали укрытие.

Шлепая по лужам и громко смеясь, под навес автобусной остановки вбежали два парня и девушка. Они промокли до нитки. Вскоре под навес зашел статный человек с седой головой.

– Вот уж поистине льет как из ведра, – бодро произнес он.

– Да уж, – басом ответил один из парней, широкоплечий приземистый крепыш с квадратной челюстью.

Седой сел на скамейку. Молодые люди продолжали стоять в углу остановки. Второй, высокий, худощавый, жилистый, с короткими рыжеватыми волосами, покачал головой.

– Представляю, что сейчас у нас творится. Крыша в нашем подъезде протекает. Как сильный дождь – на лестнице сплошные Ниагарские водопады. Сколько раз мэрии – наша хрущевка на ее балансе – сигнализировали. Ноль реакции. Только обещают. – На его веснушчатом лице изобразилось искреннее недоумение. – Я не врубаюсь: неужели в городском бюджете нет бабок одну крышу залатать? Куда они деваются?

– А то ты, Димон, не знаешь, где бабки оседают, – пробасил крепыш. – За это прежнему мэру срок и вlepили.

Под навес вбежал невысокий лысый человек в очках. Лишь на висках и затылке сохранились темные с проседью волосы.

– Разверзлись хляби небесные, – негромко, как бы самому себе, сказал он, Лицо у него было угрюмое, с желчными складками у рта.

Девушка хихикнула. Она была довольно миловидна. Большие серые глаза смотрели весело. Русые волосы были собраны на затылке в пучок. С него капала вода.

Лысый снял очки, достал из кармана брюк мокрый платок и стал вытирать стекла. Убедившись в бесполезности этого занятия, спрятал платок, надел очки и присел на вторую скамью.

– А я-то, наивный человек, думал, что новый мэр злоупотреблять коррупцией не будет, – с улыбкой заметил рыжий. Девушка хихикнула снова,

– Ага, ты думал... – буркнул крепыш. – Все они одинаковые. Сталина на них нет,

Седой повернул к нему свое гладкое открытое лицо, одобрительно посмотрел на него ясными голубыми глазами. Они очень гармонировали с сединой.

– Вот это верно. Иосиф Виссарионович порядок бы быстро навел, – охотно подхватил он эту тему. – Сталин как никто о простом народе заботился.

Лысый нервно поправил очки, косил на седого умные карие глаза, хотел что-то сказать, но промолчал.

– Моя бабка рассказывала, что он цены снизил после войны, – сказал Димон.

– Снизил! – подтвердил седой. – А в каком состоянии экономика тогда была! Но Сталин постарался и снизил.

Лысый вдруг резко повернулся к нему.

– О народе заботился, говорите? А раскулачивание?

Несколько секунд седой смотрел на него изучающим взглядом. Наконец, спокойно спросил:

– А что раскулачивание?

– Как что? Самых трудолюбивых и предприимчивых крестьян, – горячо заговорил лысый, – лишали всего. Семьи раскулаченных, с детьми, со стариками, выбрасывали на необжитых землях. Одни выживали, другие погибали. В результате раскулачивания и насильственной коллективизации, которые Сталин начал в двадцать девятом году, сократился сбор зерна,

скота стало меньше. Свиной и овец – вдвое. Возник искусственный голод тридцать второго и тридцать третьего годов. Даже на Украине, которая веками была житницей страны, голодали. Голод был страшный! Миллионы умерли. И это вы называете заботой о простом народе?

– Миллионы? – строгим голосом переспросил седой. – Где вы эти цифры взяли? Где документы, их подтверждающие? Это все домыслы. Кабинетные гипотезы. Это во-первых. А во-вторых, без раскулачивания и коллективизации не было бы индустриализации. А без индустриализации мы бы войну не выиграли. Ведь так? Что замолчали?

– Думаю, индустриализацию можно было провести и без таких диких мер... К слову, многие пленные пошли в армию Власова, потому что их родителей раскулачили!.. А знаете, хорошо, что мы этот разговор начали. Меня всегда мучил и мучает вопрос: как можно, зная о репрессиях, защищать Сталина? Ведь сталинисты в своем большинстве вроде бы нормальные люди. Не глупые, не злые. Почему же они его защищают? Для меня это величайшая загадка!

– А я так скажу. Сталин войну выиграл! Страну спас! Как можно его за это не уважать?

– Ну, не он один выиграл. И военачальники выиграли, и армия, и народ. Что касается войны, Сталину многое можно в вину поставить. Во-первых, армию обезглавил репрессиями. В первые месяцы войны миллионы в плен попали! Из-за неумелого руководства. Когда видишь карту военных действий начала войны, не по себе становится: сплошные мешки и котлы. Миллионы в плену оказались. История не знала подобной военной катастрофы. Во-вторых, недоумение вызывают его действия перед самой войной. Сколько сигналов было, что Гитлер нападет, но Сталин не хотел этому верить, надеялся, что войны удастся избежать. Не придвинул армию к границе...

– Вы считаете, что лучше разбираетесь в военной стратегии, чем Сталин?

Лысый быстро выставил по направлению к седому руку с поднятой ладонью.

– Запрещенный прием! Воспитанные люди – а я не сомневаюсь, что вы воспитанный человек – в споре не должны касаться личности оппонента. Это главное правило любой дискуссии. Кстати, к этому приему обычно прибегают, когда аргументов не хватает... А ночью 22 июня он утвердил странную директиву. С одной стороны, войска приводилась в боевую готовность, с другой стороны, они не должны были поддаваться ни на какие провокации. Что значит – не поддаваться на провокации? Как определить, что провокация, а что – настоящие боевые действия? Командующие округами были сбиты с толку. В-третьих, в первые дни войны Сталин практически устранился от руководства, уединился на даче. Пока к нему не явилась делегация военных и не убедила вернуться. Но! – Он снова выставил вперед ладонь, заметив, что седой порывается возразить. – Его вклад в победу, конечно, большой. Это надо признать. – Седой удовлетворенно кивнул головой. – Но ведь это не в малейшей степени не снимает с него ответственности за преступления.

– Это какие такие преступления?

– Дождь скорее кончится, чем я смогу их все перечислить, – мрачно пошутил лысый. – Одно я уже назвал – раскулачивание. А тысячи священнослужителей да и просто верующих, отправленных в ГУЛАГ за их убеждения? Это не преступление? Я атеист, но это меня не могут не возмущать. А что произошло после присоединения Прибалтики, восточной Польши и Западной Украины? НКВД хватало там и отправляли в ГУЛАГ совершенно невинных людей: интеллигентов, предпринимателей, зажиточных крестьян. Каким потрясением это было для местных жителей! Они ничего подобного не видели и даже предположить не могли, что такое возможно. – Внезапно он вскочил и заходил взад и вперед. Ботинки хлюпали от попавшей внутрь воды, но он не обращал на это внимания. – Почему там русских не любят? Именно из-за этих действий грузина Сталина. А, выселение чеченцев, калмыков, балкарцев, крымских татар? Выселение народов в двадцатом веке! Это методы деспотов древней Ассирии.

– Так они же предателями оказались. Фашистов с радостью встречали, помогали им.

– Весь народ – предатели? Разве такое может быть?.. Женщин, стариков, детей везли как скот в товарных вагонах, выгружали в казахских степях. Многие погибли. И как это неблагородно: мужчины на фронте с фашистами сражаются, а их семьи выселяют. Многие деяния Сталина отмечены неблагородством. Большинство белоэмигрантов, возвратившихся в СССР, были репрессированы. Заманили и посадили! – Он продолжал быстро ходить, глядя себе под ноги и лишь изредка оглядываясь на седого. – А какая еще страна так поступала со своими военнопленными? Ведь советских военнопленных, только что освободившихся из фашистских концлагерей, отравляли в ГУЛАГ! Как это все неблагородно!

– А случай с Жигаревым не доказывает его благородства? – спросил седой.

Лысый остановился перед ним.

– А что произошло?

– Вот видите, вы даже не знаете. Маршал авиации Коновалов в своих воспоминаниях об этом пишет... Настоятельно рекомендую прочесть эту книгу... Так вот, во время войны он был свидетелем, как командующий авиацией Жигарев убеждал Сталина, что на заводах простаивают семьсот самолетов, потому что военные специалисты отказываются их принимать из-за недоработок. Там же был нарком авиапромышленности. Тот заявил, что самолеты стоят из-за нехватки летчиков. Разница существенная, согласитесь. В конце концов выяснилось, что Жигарев врал. Сталин побледнел, потом покраснел. Медленно подошел к Жигареву, поднял руку... Но не ударил, только сказал: «Подлец! Вон!» И что вы думаете? Он Жигарева не расстрелял, не арестовал. Только в должности понизил. Кто бы еще мог так благородно, великодушно поступить?

Лысый присел на скамейку.

– Честно говоря, не вижу в этом особого благородства. За что расстреливать?.. Не ударил! Какой добрый! Да уже одно его поползновение ударить возмущает... Что ж, весьма показательно, что у вас не нашлось более убедительных доказательств сталинского благородства и великодушия.

К остановке, поднимая тучи брызг, подъехал автобус. Открылись дверцы, но никто не вышел и не вошел. Очевидно, все пятеро оказались на остановке из-за дождя. Автобус немного постоял и уехал.

– Почему же? Старший сын Сталина Яков ведь в плен попал. Немцы предлагали обменять его на Паулюса. Сталин отказался. Сказал, что солдата на фельдмаршала не меняет. Это разве не благородно?

Лысый немного помолчал и неохотно произнес:

– Этот его поступок вызывает уважение. Здесь мне нечего возразить.

– То-то. Еще один факт приведу. Поразительный факт! В седьмом году его первая жена, Екатерина Сванидзе, красавица, заболела брюшным тифом. А денег вызвать врача у Сталина не было. Вернее, деньги были. Он тогда хранил деньги партийной ячейки, экспроприированные. Но он из этих денег ни рубля не взял. Жена умерла.

– Никогда об этом не слышал. Это, конечно, тоже достойно уважения. Если это правда. Хотя... В такой ситуации, думаю, можно было и взять. Взаимообразно. Потом объяснить. Никто бы его не осудил. Нет, мне эта история кажется совершенно неправдоподобной.

– Не смог он взять! Такой был человек. Принципиальный! А ведь как он ее любил! Когда гроб с ее телом в могилу опустили, он следом прыгнул. Не хотел оттуда вылезать. Пришлось силой вытаскивать.

– Любил, а в тридцатые годы всех ее родственников уничтожил.

– Говорю же: принципиальным он был. А как он переживал, когда его вторая жена, Надежда Аллилуева, покончила с собой. Часами сидел у ее могилы. Говорил, что сам жить не хочет.

– Так он ее до смерти и довел. Грубостью своей.

Ливень не ослабевал. По улице и тротуарам уже текли мутные ручьи.

– Опять голословные утверждения. Надежда Аллилуева застрелилась, потому что ее головные боли мучили. У нее было неправильное сращение костей черепа. Отсюда – невыносимые боли... Враги Сталина пытаются изобразить его каким-то монстром. А он человек был, живой человек. Да, с непростым, может быть, характером. С непростым, потому что горячим был. Сильно чувствовал. Ни в любви, ни в ненависти удержу не знал.

– Не знаю, как насчет любви, но про сталинскую ненависть вы выразились совершенно верно. Врагов он уничтожал беспощадно. Троцкий даже в Мексике от его ненависти не спасся. Впрочем, Сталин уничтожал не только врагов. Он расправлялся со всеми, кто представлял, как ему казалось, опасность для его власти. Истребил большинство старых большевиков. Было репрессировано больше половины депутатов семнадцатого съезда партии, «съезда расстрелянных», как его потом называли.

– Вы кто по нации, если не секрет?

– Русский.

– Тогда вы уже за то должны Сталина уважать, что он за русских всегда был. По его плану, все национальные образования должны были входить в РСФСР как автономии. Ленин его план отверг. Был создан СССР. И вот что мы сейчас имеем... А в 1945 году Сталин поднял тост «За русский народ!» Не за советский, заметьте. Он говорил, что русские – это самая выдающаяся нация из всех наций СССР.

Лысый помолчал. Вздыхнул.

– Приятно такое слышать, конечно. Хотя русские пострадали от его репрессий не меньше других... В этом вопросе нельзя переходить определенную черту. Восхваление одной нации может перерасти в национализм и шовинизм. Я русский, и горжусь этим, но русский национализм не приемлю.

– Сталин был интернационалистом.

– Тогда почему он после войны развязал антисемитскую кампанию?.. Кстати, его поведение в последние годы очень показательно. Он – на вершине могущества. Победил всех врагов, и внутренних, и внешних. Казалось бы, можно успокоиться, забыть о репрессиях. Так ведь нет. Кроме упомянутой кампании по борьбе с космополитизмом, антисемитской по сути, Сталин организовал «ленинградское дело» и «дело врачей». На многих известных партийцев и военачальников органы начали собирать компромат. Можно только гадать, во что бы это вылилось, проживи Сталин дольше. Такое впечатление, что скучно ему было без репрессий. Его природа требовала с кем-то бороться, преследовать, уничтожать... Единственное оправдание Сталину я нахожу в том, что в его натуре было что-то нездоровое, патологическое. Патологическая подозрительность, патологическая жестокость. Константин Симонов, который Сталина знал хорошо, тоже говорил о патологии.

– В эти годы по его приказу ядерной оружие создали. Причем в рекордные сроки. На Западе изумились.

– И сильно огорчились, – вставил Димон.

– За это его надо похвалить, не спорю. Я ненавижу Сталина, но не хочу...

– Мужик, тебе лично Сталин что плохого сделал? – особенно низким голосом спросил крепыш, и его нижняя челюсть слегка выдвинулась вперед. Лысый не ответил, даже головы не повернул, лишь нахмурился. – Я смотрю...

– Ну Вадик, – с мягким укором прервала крепыша девушка. Он замолчал.

– ... не хочу его, как он сам писал в одной статье, «огульно охаивать», – закончил фразу лысый. – Его хорошие дела я признаю. Должен признавать. Должен быть объективным. Истина превыше всего. Но, повторяю, ничто не может оправдать сталинских преступлений.

– Что вы заладили: преступления, преступления, – с досадой произнес седой. – Вы докажите.

– То, что Сталин разрешил расстреливать детей с двенадцати лет, это не преступление?

– Это кто вам сказал?

– Это постановление 8 апреля 1935 года было напечатано в газетах.

– Во-первых, подпись Сталина под этим постановлением не стоит, во-вторых, о расстрелах там ни слова не сказано.

– Вы же прекрасно знаете, что без Сталина ничего не делалось.

– Жуков говорил, что многое делалось без его ведома.

– Постановление, напечатанное в газетах – без его ведома? Это было невозможно. Про расстрелы... Да, прямо о расстрелах там не говорится. Только о применении «всех мер уголовного наказания». Поэтому судам и прокуратурам было позже разослано секретное – уже секретное – разъяснение Вышинского, что к таким мерам относится и расстрел. На проекте разъяснения Сталин написал «за» и расписался.

– Это могли потом сфабриковать.

– Как неубедительны ваши возражения! Неужели вы сами этого не чувствуете? Сам сталинский режим был преступен и бесчеловечен. Сколько невинно загубленных жизней, сломанных судеб! Уничтожались лучшие люди. Прошедшие ГУЛАГ вспоминают, что нигде не встречали столько высокообразованных, воспитанных, порядочных, духовно независимых людей, как там. Не было им места в той системе. – Он вновь встал и зашагал по остановке. – При Сталине могли посадить за что угодно. За дворянское происхождение, за опоздание на работу на несколько минут, за подобранные на поле колоски, за приверженность генетике, за хвалебный отзыв о зарубежной технике, за знакомство с иностранцами, за анекдот о Сталине, за то, что не донесли о таком анекдоте. – Он говорил взволнованно. Его пальцы нервно подрагивали. – Могли посадить «по подозрению в шпионаже». Это официальная формулировка. Вы только вдумайтесь! То есть официально признавалось, что человека могут осудить без доказательства его вины, только по подозрению. Неужели вы действительно хотите, чтобы это все вернулось? Как может не вызывать негодования такое попрание справедливости, здравого смысла, милосердия, всех человеческих норм? – Лысый окинул взглядом всех присутствующих. – Ну как? Как? – Он вопрошал со страдальческими нотками в голосе. – Это выше моего понимания!

– Мужик, сядь, а? – пробасил Вадик. – Не мельтеши.

Лысый сел. Порывистым движением зачем-то снял и снова надел очки. Помолчал. И заговорил снова.

– Я вижу лишь одно объяснение. Сердца сталинистов так жаждут любить Сталина, что они остаются глухи к доводам рассудка. Скажут себе: «Все сфабриковано», и отменяют проблему. И со спокойной совестью любят Сталина. И не хотят вдуматься, насколько смехотворно такое утверждение. Хорошо, попытки-то на следствиях – чудовищные попытки – вы же не будете отрицать?

– И здесь нет доказательств, – покачал головой седой.

– Как нет? – воскликнул лысый. Он хотел вскочить, но сдержался. – А шифротелеграмма тридцать девятого года за подписью Сталина? В ней он подтверждал, что пытаться можно, что пытки разрешены с тридцать седьмого года.

– Фальшивка. При Хрущеве состряпали.

Лысый беспомощно развел в стороны руки.

– Даже не знаю, что сказать... Всегда в тупик становлюсь, когда оппонент отказывается признавать очевиднейшие факты. Что-то похожее испытываю, когда мне пытаются доказать, что человек произошел не от обезьяны. Хорошо, а тысячи свидетельств, воспоминаний тех, кто через пытки прошел? Что же, они тоже это все придумали? Ну это же несерьезно – такое отрицать. Эта мерзкая практика – избивать, пытать подозреваемых – у нас до сих пор не изжита. С этим-то вы не станете спорить? Вот вам страшный отголосок сталинизма!

Девушка села на скамейку лысого, на самый край.

– Значит, так надо было, – твердо сказал седой. – Сталин все делал для укрепления страны. Надо понимать, какая тогда, до войны, обстановка была. Страна находилась во враждебном окружении. Была угроза нападения. Поэтому Сталин хотел обезвредить пятую колонну. Жесткие меры были необходимы.

– Этими жесткими мерами Сталин лишь ослабил страну... Жесткие меры... Достоевский писал, что самая совершенная цивилизация не имеет право на существование, если для ее построения потребовались слезы хоть одного замученного ребенка.

– Ну, нашли на кого ссылаться.

– Ссылаюсь на одного из величайших писателей всех времен. Если не величайшего.

– Достоевский для меня не авторитет.

– То есть, вы пытки не осуждаете?

– В наше время осуждаю. А тогда, значит, они были нужны.

Лысый снова развел руками. Потом кивнул головой.

– Для меня очень важно было такой ответ услышать.

Минуту длилось молчание. Ливень стучал по навесу. Он, кажется, стал еще сильнее.

Наконец, лысый тяжело вздохнул.

– Бесполезна наша дискуссия, – заговорил он. – Никогда сталинисты и антисталинисты друг друга не поймут. Слишком разное у них видение мира, слишком разные системы ценностей. – Он встал и опять заметался по остановке. Вадик что-то пробурчал себе под нос. Он глядел на лысого с неприкрытой враждебностью, рыжий – с плохо скрываемой насмешкой, седой – строго, а девушка – с любопытством. – Для антисталиниста огромное значение имеют такие понятия как свобода слова, свобода творчества, свобода самовыражения...

– В нашем доме антисталинистка живет, – хмыкнул Димон. – Мало того, что алкашка конченная, так еще и дура душой. Ей, ясное дело, без свободы творчества никак нельзя!

Все, кроме лысого, засмеялись.

– Я обобщенный портрет рисую, – парировал он на ходу. И продолжал: – Сталинист к этим понятиям равнодушен. Его вполне устраивает, что кто-то другой, вождь, генеральный секретарь, решает за него, что есть истина. Он чувствует себя комфортно в такой ситуации. Не видит в этом ничего унижительного. – Он дрожащими пальцами поправил очки. – Для антисталиниста...

– Перебью, – поднял слегка руку седой. – Свобода творчества, говорите? А знаете, что в наших театрах показывают? Сплошной разврат. Это, дескать, передовое искусство.

– Есть моральная черта, которую нельзя переходить. Я не приемлю мат на сцене, разнузданность, извращения. И все это, чтобы обратить на себя внимание, сотворить сенсацию... да просто ради денег... Не это означает свободу творчества.

– Но вы же, наверно, против цензуры?

– Против. Запрещать может только суд... Но вернемся к нашим баранам...

– В смысле? – подозрительно спросил Димон.

– Крылатое выражение. То есть вернемся к главной теме... Для антисталиниста высшая ценность – человеческая личность. Он считает, что государство создано для людей. Всякое ущемление прав человека вызывает у него возмущение. Сталинист уверен, что люди созданы для государства. Человеческую личность он не только не считает высшей ценностью, он вообще не очень высоко ее ставит. Нарушение прав человека его не возмущает. Нет чего-то в его душе... чего-то такого, где это возмущение загорается. Он...

– Был опрос, – перебил его Димон. – Оказалось, больше половины россиян Сталина одобряют.

Лысый резко стал.

– И это печально. Не только печально – страшно! Если бы опрашивали только интеллигенцию, результат был бы другой. А к мнению интеллигенции надо прислушиваться.

– К мнению народа надо прислушиваться, – убежденно сказал Димон. – Народ сою страну любит. Народ свою страну никогда не предаст. Не то что интеллигенты-либералы.

– Да уж, – поддержал его Вадик.

Седой одобрительно кивал головой.

– А себя вы либералом считаете? – спросил лысого Димон, ехидно прищурился свои серозеленые глаза.

– Да. Хотя и с определенными оговорками. Есть либералы, которым патриотизма не хватает. От таких я отмежевываюсь.

– Не надо ля-ля! – пробурчал Вадик. – Все либералы одинаковые.

– А знаете, как либералов в интернете называют? – спросил Димон.

Лысый помрачнел.

– Высказывания в интернете – это тема особая. Зайдешь на иной сайт, считаешь комментарии минуту (а я, как правило, только читаю) – и на весь день настроение испорчено. Сколько хамства, сколько махрового бескультурья. Сколько злобы. Сколько желания побольше унижить, оскорбить другого человека. обычно совершенно незнакомого.

– В интернете ведь можно оскорблять безнаказанно, – вздохнула девушка.

– Вот именно! Оскорбляют женщин, оскорбляют старших... И какая нетерпимость к иному мнению! А ведь еще великий французский философ Вольтер говорил: «Мне глубоко чуждо ваше мнение, но я готов отдать жизнь за ваше право его высказывать». Кстати, вот вам еще один отголосок сталинизма. Не погубил бы Сталин настоящую интеллигенцию, и не было бы таких комментариев. И, – он мельком взглянул на Вадика, – не обращались бы на улице к незнакомым людям «мужик» и на «ты». Это бы считалось верхом бестактности.

Тот сердито фыркнул.

– И в этом у вас Сталин виноват! – воскликнул седой. Щеки его порозовели. – Недоброжелатели Сталина все на него готовы свалить!.. Вы вот что скажите. Почему либералы так стране навредили, когда к власти пришли? Враг так не навредит!

– Да, ошибок много было, – раздраженно ответил лысый. – Но перемены-то были необходимы. Люди свободу получили...

– Свободу грабить и убивать? Свободу помирать от голода?

Лысый глядел ему в глаза и молчал.

– Вот таких Сталин и сажал, – сурово продолжал седой. – И правильно делал. Мало еще посадил. – Он оглянулся на молодых людей, как бы ища поддержки.

Лысый сжал кулаки. То ли хотел унять дрожь в пальцах, то ли почувствовал гнев.

– Я бы сейчас, – загудел Вадик, – всех этих...

– Вадик! – поспешно сказала девушка.

– Ладно, культурно скажу. Я бы всех либералов на зону отправил.

– Слушайте, слушайте, что наша смена говорит, – сказал седой. Он помолчал немного и добавил с глубоким чувством: – Эх, был бы Сталин жив!

– Рабские души! – закричал вдруг лысый.

– Закрой хайло, а? – грозно пробасил Вадик. – А то я за себя не ручаюсь.

Девушка всплеснула руками.

Неожиданно лысый начал выкрикивать ругательства. Это был отборный, замысловатый мат.

Все с изумлением уставились на него. Квадратная челюсть Вадика отвисла. Димон цокнул языком. Этот звук как будто отрезвил лысого. Он осекся, открыл рот и застыл в таком положении.

– Во выдал! – искренне восхитился рыжий. – Мой респект. Я так не умею. Но! – Он выставил вперед ладонь, как это делал лысый. – Воспитанные люди при даме не матюгаются. Это верх бестактности.

Лысый встрепенулся и выскочил на улицу, под ливень. Тут же вернулся, посмотрел в сторону девушки, не прямо на нее, а на рукав платья, и пробормотал скороговоркой:

– Простите ради бога.

Потом повернулся и, быстро шагая по лужам, стал переходить дорогу.

– Дождь-то как по лысине барабанит! – хохотнул Димон.

– Э-эх. – Седой покачал головой. – Вот он свое нутро и показал.

Мимо лысого на большой скорости пронесся джип, обдав его грязными брызгами с головы до ног. Словно в наказание за переход дороги в неподобающем месте. Парни захохотали. Седой усмехнулся.

Лысый с немым укором посмотрел на удаляющуюся машину, потом достал платок, вытер лицо и лысину. И зашлепал по воде дальше.

Девушка грустно глядела ему вслед.

Дедушка Сидоров

Три солдата последнего призыва сидели на табуретках возле коек и полировали пряжки. Новое пополнение прибыло в роту неделю назад.

– Матюхин, за что тебя каптерщик ударил? – спросил одного из них ротный писарь, ища что-то в тумбочке.

– В строй опоздал, – уныло ответил тот и часто заморгал белесыми ресницами.

– Так шевелиться надо! Ходите как сонные мухи. Тебя, Мирославлев, тоже касается.

– Он к Матюхину с первого дня придирается, – вступил в разговор другой солдат, с мужественным и решительным лицом. Он говорил с кавказским акцентом. – А командир молчит.

– Зачем же Улыбин будет соваться? – удивился писарь. – Да он и служит только полгода, мы с ним вместе призывались. Хоть и младший сержант, а для стариков – нуль. – Он захлопнул дверцу и выпрямился. – А ты что, Амиров, учителем был?

– Да. Я в военкомат сам пришел, – угрюмо усмехнулся кавказец. – Считал, что мужчина должен армию пройти...

– Сюда идет, гад, – встревожился вдруг Матюхин, встал и зашел за ряд двухъярусных коек.

Размахивая гимнастеркой, к ним приблизился маленький полный каптерщик, поискал кого-то глазами, очевидно, Матюхина, потом кинул ее на колени Амирову.

– Постираешь, педагог! – И уходя, бросил через плечо: – Чтоб через десять минут как новенькая была!

Кавказец швырнул гимнастерку на подоконник.

– Вы еще Сидорова не видели, – сказал писарь. – Сейчас на гауптвахте сидит. Зверь! Когда заведется – покалечить может.

И словно в подтверждение его слов кто-то крикнул в другом конце казармы:

– Все, молодежь, кончилась ваша райская жизнь! Сидоров с губы возвращается!

Он появился четверть часа спустя, высокий, могучий, красивый. «Старики» оживились.

– С освобождением, Витек! Ну, рассказывай про свои подвиги.

– Да какие там подвиги, – отмахнулся Сидоров. – С лейтенантиком из обоза немного подискутировали.

– Оживленная, видать, дискуссия была, раз ты десять суток схлопотал, – засмеялся каптерщик. Внезапно лицо его стало серьезным: он заметил свою гимнастерку на подоконнике. – Не хочет стирать, салаженек, – мотнул он головой в сторону Амирова.

– Этот лезгин оборзел вконец, – заворчали старики. – Всю дорогу возникает.

Глаза у Сидорова загорелись.

– Который? Вон тот? – Пружинистой походкой он подошел к Амирову и вроде бы лениво поинтересовался: – Говорят, выступаешь много?

Лезгин горделиво откинул голову назад.

– Я чужие гимнастерки стирать не...

От мощного молниеносного удара он вместе с табуреткой полетел на пол. Но тотчас же вскочил и бросился на Сидорова. Второй удар снова свалил его с ног. Из носа потекла кровь. Амиров поднялся, зажал нос рукой и вышел в коридор.

После отбоя раздалось:

– Мирославлев, ну-ка, сообщи, сколько дней дедушке Савчуку до приказа осталось!

Наступило молчание.

– Пусть кто-нибудь другой, – негромко сказал младший сержант Улыбин и возвысил голос: – Матюхин! Сколько дней дедушке Савчуку до приказа?

– Только смотри, чтобы с чувством, – добавил Савчук.

– Дедушке Савчуку до приказа осталось девяносто восемь дней! – истошно прокричал Матюхин.

– Вот молодец, сынок.

– Как этого лезгина фамилия? Амиров? – спросил Сидоров. – Амиров, сколько дедушке Сидорову осталось до приказа? – В казарме стало тихо. – Амиров! – В его голосе зазвучала та властность, которая не терпит неподчинения.

– Дедушке Сидорову до приказа девяносто восемь дней! – зло выкрикнул лезгин.

На следующее утро Сидоров был не в духе. Все, кроме стариков, старались не попадаться ему на глаза. Лишь Мирославлев, бледный, хилый солдат в своей всегдашней задумчивости наткнулся на него.

– Куда прешь? – гаркнул тот. – Глаза еще не продрал что ли? Постель мне заправишь! – И пошел умываться.

Несколько секунд Мирославлев стоял как вкопанный, затем отправился следом. В «умывалке» он подошел к чистившему зубы Сидорову и, борясь с волнением, выпалил:

– Во-первых, не обращай больше ко мне с подобными просьбами, во-вторых, не разговаривай со мной таким тоном. – И тут же вышел.

– Первое отделение второго взвода, строиться! – послышался голос Улыбина.

Мирославлев уже стоял в строю, младший сержант уже командовал: «Отделение...», когда показался Сидоров.

– Подожди, командир, – раздраженно заговорил он. – Ну, деда, совсем вы молодняк распустили. Придется мне их воспитанием заняться. – Он посмотрел на Амирова (тот твердо выдержал его взгляд) и вдруг закричал, надвинувшись на Мирославлева: – А ты, салага, будешь мне каждое утро постель заправлять! И попробуй только, пикни у меня еще!

– Отделение, напра-во! – скомандовал Улыбин. – На выход ша-агом марш!

Вечером в ленинской комнате Сидоров, самодовольно смеясь, рассказывал ефрейтору Савчуку:

– Я ему говорю: «Думаешь, если звездочки нацепил, так гавкать на меня можешь?»

По коридору рота шла строем в столовую. Они ужинать не пошли. Неожиданно дверь распахнулась. На пороге стоял Мирославлев. Глядя в глаза Сидорову, он произнес:

– Ты что, сволочь, не понял? Еще раз будешь со мной так говорить – у-ни-что-жу! – Потом повернулся и догнал свое отделение.

Мирославлев мучился весь этот день. Вновь и вновь вспоминал он с отвращением утреннюю сцену: Сидоров рывкает на него, а он по команде поворачивается и марширует... Невыносимее всего была мысль, что Сидоров пребывает в уверенности, что может безнаказанно вот так кричать на него. Теперь он чувствовал огромное облегчение.

После ужина он минут пять ходил взад и вперед между столовой и забором. «Что будет дальше?» – думал он. Вспомнил Амирова, отбой. Он, Мирославлев, ни за что не стал бы объявлять, сколько дней осталось. В карантине Улыбин начал было покрикивать на него, но встретив отпор, стал относиться к нему не только с уважением, но даже, пожалуй, с симпатией. С Сидоровым такое, конечно, не произойдет. Мирославлев совершенно не представлял, как он собирается «уничтожать» Сидорова, но одно знал точно: так разговаривать с собой он ему не позволит. Ни ему, ни любому другому человеку на земле.

Он пошел в казарму.

Еще идя по коридору, услышал он знакомый голос.

– ...Нет, так легко он не отделается. Он у меня пожалеет, что на свет божий появился!

Сидоров стоял в окружении старослужащих и, когда Мирославлев проходил мимо, процедил сквозь зубы:

– Эй ты, ко мне!

Не замедляя и не ускоряя шаг, Мирославлев прошел к своей койке и принялся ее зачем-то поправлять. Наступила напряженная тишина.

И тут раздался дикий рев:

– Ко мне, салага!

Он медленно обернулся. Его враг стоял, подавшись вперед, и налитыми кровью глазами смотрел на него. Так прошло несколько секунд. Вдруг Сидоров сжал огромные кулаки и стал приближаться.

Улыбин шагнул вперед и хотел что-то сказать.

– Отставить, младший сержант! Не дергайся! – остановил его старшина срочной службы Мустафин. Засопел Амиров.

Мирославлев приготовился драться. Драться до тех пор, пока способен будет стоять на ногах. Так бы, наверное, все и происходило, если бы Сидоров не начал, подходя, ругаться. Он ругался виртуозно, подбирая самые оскорбительные слова.

Мирославлева охватил гнев. Слепой, безудержный. Ощувив прилив беспредельных, казалось, сил, он схватил табуретку и с размаху опустил ее на голову Сидорова. В тот же миг гнев погас. Он с ужасом глядел на распростертое у его ног безжизненное тело.

За неделю до увольнения

День начинался прекрасно. Командир роты пообещал Болоту, что тот демобилизуется одним из первых. Возможно, уже через неделю. Потом пришло письмо от Бибигуль, очень хорошее письмо! Повезло Болоту и с нарядом: он попал не на вышку, а на КПП. Правда, в караульном помещении произошел небольшой инцидент. Он велел молодому солдату Ванину вымыть пол, но тот заявил, что мыть не будет, не его очередь. В ответ Болот выплеснул из кружки ему в лицо остатки чая. «Ла-адно», – сказал Ванин утерся и с мрачным видом уселся на нарах. Чтобы не портить себе настроение, Болот больше к нему не приставал, пол вымыл другой солдат.

И все же при смене караула его счастливое состояние духа несколько омрачилось. Когда Кыныбек, его лучший друг, уходил на вышку, Болот как обычно напутствовал его несколькими ободряющими словами, Кыныбек хмуро выслушал его и молча, даже не кивнув, вышел во двор. Заступив на пост, Болот закурил и задумался.

Они были призваны из одного нарынского села. Оба попали в Сибирь (в советские времена служили обычно далеко от дома), в дивизию внутренних войск, в одну роту, даже в одно отделение. Кыныбек сразу отказался признавать законы дедовщины. Он не подчинялся никаким требованиям, если считал их несправедливыми. Старослужащие избивали его, он дрался с ними, пока мог стоять на ногах. Наконец, им это надоело, и они оставили Кыныбека в покое. Он был самым непокорным и дерзким из молодых солдат – и стал самым терпимым. Скромным «стариком». Глядя на этого тихого, спокойного солдата посторонний ни за что бы не догадался о его былых подвигах. Никакой метаморфозы не произошло, как раз наоборот: он просто остался самим собой. «Вот это человек», – говорил о нем Ванин. Болот же довольно быстро смирился с этим давно заведенным порядком. Чем больше он служил, тем охотнее разделял мнение, что без дедовщины служба была бы скучной.

Сомнений не было, Кыныбек осудил его за выходку с Ваниным. Собственно говоря, Болот и сам не испытывал враждебности к этому солдату. Просто он возмутился, что его, «старика». Не слушаются.

Впрочем, от Ванина можно было ожидать чего-то подобного. В нем была смесь душевной ранимости и бесшабашного ухарства. Болот вспомнил один случай. «Старик» велел Ванину заправить за него постель. Услышав отказ, ударил его. И получил сдачи. Ванина избил (Болот тоже ударил раза два, несильно, ради солидарности). Тот неожиданно расплакался. С тех пор Ванин стал замкнутым, молчаливым, словно копил все обиды в себе. Только иногда, среди солдат своего призыва. Разражался горячей тирадой против дедовщины.

Болот почувствовал что-то вроде раскаяния. Он решил сказать Ванину, когда тот вернется с вышки, что-нибудь грубовато-дружелюбное. Например: «Признавайся, молодой, спал на вышке как сурок!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.